

ГЕРОЙ ОБРЕЧЕННОГО ГОРОДА

Карасев В.А.

– Ложись! Ложи-и-ись! Беги! Спаси-а-а...

Снова артобстрел. Снова обречённый город захватывает огненная смерть. Осквернённый нацистским пламенем Ленинград с трудом продолжает держаться.

Снаряды повсюду. Страх. Дым. Свист. Резкий, пронзительный крик человека. Ещё одного. И ещё. Визги людей разносятся в этом городе, как души грешных в аду. Но грешны ли они? Это неважно. Важно то, что они все в аду.

Васька медленно прохаживается среди трупов людей, внюхиваясь в каждый из них. Кот брезглив на человеческое мясо, потому что пока есть мыши и полудохлые птицы. А дальше... что ж, дальше только тьма.

Запах пороха и гнили везде. Полуразрушенные дома, кое-где заваленные снегом. В этих развалинах обитает смерть. Иначе быть не может.

Кот спокойно подходит к домику, в котором проживают его хозяева. Начинает громко мяукать.

Дверь резко открывается, и на пороге возникает худющая, со спичку, женщина.

– Что ты орёшь, придурок окаянный! Хочешь, чтобы тебя соседи на улице поймали и съели?! Сказала же, ходи тихо! Вообще больше не пуцу на улицу, будешь дома сидеть и с голодудохнуть! – женщина морщится. – Заходи давай!

Кот мурлычет, словно не замечая оскорблений, и заходит в дом. Обычный каменный одноэтажный дом, наверное, остался с прошлых веков – редкость среди многоэтажных исполинов в Ленинграде.

На полках лежат деревянные украшения и игрушки. В самом дальнем углу стоит стол, рядом – кровать. Напротив них, на другом конце комнаты, стоит шкаф, скамейка и кран для мытья рук. Беспольный, правда: воду уже давно отключили. На скамье сидит девочка лет

семи с голубыми глазами. Она худая, но не настолько сильно, как мать, – видно, что еда сначала в этом доме достается именно ребёнку. Отца семьи здесь нет, ведь он стоит в очереди за хлебом. Если, конечно, успел скрыться от недавнего артиллерийского обстрела...

Васька облизывает грязную шерсть и идёт в своё любимое место – под стол. Там он ложится спать.

Тик-так-тик-так. Так быстро могут тикать только две вещи – часы и...

И метроном во время воздушной тревоги. Часов дома нет.

– Лена, быстрее! Собирайся, бегом в бомбоубежище. И ты иди сюда, прохвост старый!

Женщина хватает свою семилетнюю дочь и на удивление ловко ловит кота из-под стола, после чего бежит в бомбоубежище. К счастью, оно находится в пятидесяти шагах от дома, потому семья быстро доходит до него. Пока артобстрел продолжается, Лена спрашивает маму:

– А что с папой? Почему его так долго нет?

Васька недовольно урчит – ему неудобно находиться под подмышкой. На кота падают косые взгляды голодных людей, но женщина крепко прижимает к себе животное.

– Он... наверное задержался, доченька, – дрожащим голосом говорит мать и прижимает девочку к себе. Тем временем на улице проносится настоящий вихрь снарядов.

После артобстрела земля превращается в сито. Иссечённая дырами и ямами, она чувствует боль. Но чувствует ли она ту боль, которую чувствуют живущие здесь, в этих жутких каменных и деревянных стенах, под огненным вихрем существа?

Семья на следующий день обедает за столом. Дом, к огромному счастью, и в этот раз остался целым. Мать отламывает кусочек хлеба дочери, себе

забирает маленький кусочек. Васька не получает ничего – впрочем, птицу или мышку он найдёт сам. Женщина сидит на скамейке, и медленно, словно не запуская столетиями механизм, пережёвывает хлеб. Её глаза стеклянны и пусты. В них нет сейчас ни голода, ни страха, ни боли. Пустые оболочки.

– Мама, а папа... Папа умер? – спрашивает Лена. Её голубые глаза заливаются слезами, худое и без того тело сужается от нехватки воздуха. Доносится всхлип. Первый, второй. Спустя пару секунд в доме слышен лишь плач ребёнка. Плач полусироты.

Отец должен был прийти ещё вчера. Но не пришёл.

Мать не слышит ни плач дочери, ни всхлипы, ничего. Она думает. Её истощённый мозг принимает радикальное, но, возможно, единственно правильное решение. Позже, когда женщина обдумывает его, к ней приходит ещё одно решение. Ещё более радикальное и более опасное. Она откладывает его в долгий ящик и начинает готовиться к первому.

– Я пойду получать нашу норму.

Её голос громом проносится по дому, даже Васька вздрагивает. Лена лишь тихо сидит, склонив голову.

– А ты вернёшься? – дрожащим голосом спрашивает она. Глаза всё ещё влажные от слёз, на грязной одежде мокрые пятна.

– Я обязана.

Она открывает дверь. Её встречает город. Жуткий, убитый. Город-мертвец, которому осталось жить совсем немного. Пощадит ли её это жуткое место?

Снег, снег, трупы. Пара смерти. Они не могут существовать друг без друга. Женщина уже забыла, что такое чистый снег, настоящие живые люди – не тонкие спицы. Редкие горожане проходят мимо неё, словно мертвецы, – медленно, истощённо, перебирая и, как будто, обдумывая каждый шаг. Она медленно доходит до пункта выдачи хлеба. Снег скрипит под ногами. И видит нечто...

Её муж, обгрызанный, валяется на снегу. Его рука оторвана от тела, внутренности лежат на снегу. Пятно под ними давно уже побагровело. Женщина падает на колени и прикрывает лицо ру-

ками. Беззвучно плачет. Беззвучно, потому что нет сил издавать звуки.

Она бросается на останки и плачет. Безмолвно, словно берёза, когда отрубашешь у неё ветку. Она чувствует боль, но не показывает её. Не издаёт ни звука. Во внутреннем кармане куртки женщина находит кусочек хлеба. Маленький. Скорее всего, собаки забрали все остальное, когда закончился артобстрел. А может, и люди. Впрочем, есть ли сейчас разница?

Пункт выдачи хлеба разбомблен в щепки, и женщина вынуждена вернуться домой.

Мать возвращается через два с половиной часа. В её дрожащих костлявых пальцах хлеб. Но...

– Мама, это же маленький кусочек на одного человека. Нам не хватит...

Дочь права. Скорее всего, даже если и они съедят этот ничтожный кусочек, они могут не проснуться завтра. Мать вспоминает своё второе радикальное решение. Сквозь боль она понимает, что другого выхода нет.

– Лен, иди, пожалуйста, поиграй с девочками.

– Зачем, мама?

– Мне надо... надо побыть одной. Сходи к тётке Рите. Наверняка Настя сейчас там, одна, пока её тётя работает на заводе.

– Хорошо, мамочка.

Девочка забирает с собой старую рваную тряпичную куклу, одну из деревянных игрушек с полки и уходит. Дом тётки Риты находится недалеко от их дома, в одной из многоэтажек.

«Мой муж... За что?! За что?!»

Мать опять плачет. Потом берёт нож. В углу спит Васька.

– Прости меня, пожалуйста, – говорит хриплым голосом она.

Взмах ножа, тихий писк, кровь.

– Мама, откуда?! Это... это же мясо!

Мама вымученно улыбается. Пожаренные на ручной горелке маленькие котлетки. Дочь ест с невероятным аппетитом, впрочем, как и мать. После трапезы дочь довольным голосом спрашивает:

– А где Васька? Ты с ним уже поделилась котлетами?

– Нет...

– Почему?

Мать прикусывает губу. Её руки, вымытые от крови снегом за домом, дрожат. Как и всё тело.

– Где Васька, мамочка? – спрашивает ломким голосом девочка, словно уже зная ответ. Её глаза опять наливаются слезами.

– Васька... Он спас нам с тобой жизнь, дочь. Он герой. Герой обречённого города...

Спустя много лет на месте этого каменного дома построили обычный пятиэтажный исполин. В одной из его квартир живёт старенькая бабушка, никто точно не знает, сколько ей лет. По

вечерам она выходит на улицу и присаживается на лавочку. А потом начинает что-то рассказывать. Мимо проходящие люди останавливаются, детишки замирают, и все-все-все слушают историю про храброго ленинградского кота Ваську, который спас этой бабушке жизнь... Мало кто верит в эти сказки, считая это полным бредом и смахивая всё на старческий маразм.

Но мы-то с вами знаем правду, не так ли?

г. Калуга, МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 37», 9 класс

*руководитель: Каганская Н.В., г. Калуга,
МБОУ «Средняя общеобразовательная школа
№ 37», учитель английского языка*

